

ные вслух слова" = ему прежнему!!!! Ой!-ой!-ой!-ой!! — Без "своего"?.. Без грез?.. Шепотов?.. Человек без шепота! — Булыжник! Правдивый булыжник... Вся в "лжи" фиалочка: смотрите переливы цветов, желтый, фиолетовый, синий... где один кончается?.. где начался другой?.. И мотылек... ему уже "хочется", и он "не знает"... И я... И мир... Мы все лжем... П.ч. мы прекрасны... П.ч. мы бесполезны. И не дадим "взять двумя пальцами" свою *душу* ни логику, ни моралисту, ни законодателя... Господи: благодарю Тебя не за то, что Ты сотворил мир, но за то, что Ты сотворил ложь... Покров мира... *одежду* мира... щит ему... От дождей. От копий. От врагов. Господи! Я лгу — и я свободен. Господи! Я лгу — ибо я человек» (М, 23–24). Вместе с тем Р. никогда не мог принять упреки в противоречиях, т.е. во Л., которые выдвигала против него критика. «...всеобщие обвинения во лжи (*Айхенвальд*, читаю). Вдумываюсь. Я совершенно никогда (ни разу) не лгал, не только пером, но и устной речью, против того момента, когда говорил (писал). Я был бессилён написать неправду (нужно придумывать, *лень*). В чем же дело? "Противоречия" и проч. Да человек растёт, живёт. Вот и все. Я живу. А писатели ведь вообще не живут (только пишут, "сочиняют"). Я никогда не сочинял. Суть моя. "Я есмь я" — вот моя *литература*. Так. образом у меня есть ложь — относительно *genus, генета*, — областей. Но не феноменов. Феноменальной лжи вовсе нет. Но, может быть, есть ноуменальная. Неведение. Да. Вот. Это — есть. Но тут мы все скорбны, слабы. И я — только человек» (М, 288). И здесь же Р. снова даёт свое *понимание* Л.: «Говорят (*Гейне*) — флюгер лжет. "Куда дует ветер" — значит ложь? А м.б., во всей вселенной именно один-то единственный флюгер и показывает *правду* и обнаруживает божественный порядок *вещей*. Тучи. Молнии. Гром. Флюгер трепещет — какая правда. А печная труба "стоит прямо" — и это просто "ложь" и глупо <...> И я вечно лгу и прав, а вы говорите всю правду — и вечно лжете» (М, 288–289). Еще в «*Уединенном*» Р. говорил о Л. и своей писательской сущности: «Удивительно, как я уделывался с ложью. Она никогда не мучила меня. И по странному мотиву "А вам какое дело до того, что я в точности думаю", "чем я обязан говорить свои настоящие *мысли*". Глубочайшая моя субъективность (пафос субъективности) сделала то, что я точно всю *жизнь* прожил за занавескою, неснимаемою, нераздираемою. "До этой занавески никто не смеет коснуться"» (У, 62).

А.Н.

ЛОШАДЬ. Р. обращает внимание на образ страдающей Л. в произведениях *Н.А. Некрасова*, *Ф.М. Достоевского*, *Л.Н. Толстого*. В стихотворении «До сумерек» Некрасов «с чувством жалости» говорит о Л., которую мужик начинает хлестать «по глазам» (ВДЯ, 369). Р. приводит слова Ивана Карамазова, вспоминающего это стихотворение в связи с размышлениями о «наслаждении истязанием битья» (ЛВИ, 57). Для Р. в этом эпизоде с мужиком заключается «уродство», «неестественность и позорность, которые внес человек в младенческую *природу*»: «Слабосильная лошаденка, на которую навалили слишком, завязла с возом и не может вытащить. Мужик бьет ее, бьет с остервенением, бьет, наконец, не понимая, что делает; в опьянении битья сечет больно, бес-

сечно: "хоть ты и не в *силах*, а вези, умри да вези!" Клячонка рвется, — и вот он начинает сечь ее, беззащитную, по плачущим, по "кротким глазам". Вне себя она рванула и вывезла и пошла "вся дрожа, не дыша, как-то боком, с какою-то припрыжкой, как-то неестественно и позорно"» (ЛВИ, 57). В вещем *сне*-предупреждении Раскольникова, основанном также на некрасовском описании истязания Л., Р. видит непосредственную связь убийства животного с убийством человека: «Если "нисколько не страшно" убить животное, то тот, кому это не страшно, может <...> убить и человека; ну, — человека-«вошь», как называет Раскольников процентщицу» (ВДЯ, 369). Из других образов Л. в *русской литературе*, воспевающей «около человека и животного», Р. называет толстовских Холстомера и «Фру-Фру Вронского — это уже гениальное проникание в *душу* животного» (ВДЯ, 369). Жестокое отношение Вронского к Л. раскрывает, по Р., всю его сущность: ««Фру-Фру», — скаковая лошадь Вронского, — запомнена всею *Россиею*. В безжалостном отношении Вронского к павшей лошади Россия, — в самом начале романа, — и почувствовала, что Вронский глуп. Что он всего только жеребец, притом не из умных. Вся Россия встала на сторону «Фру-Фру» против Вронского, справедливо решив, что она благороднее и, так сказать, человечнее его, если позволительно такое странное сочетание слов <...> тут говорит *мораль* и почти *религия*, и говорит не в пользу человека» (ОПП, 236). Р. упоминает строчку «Ну, тащися, сивка» из «Песни пахаря» *А.В. Кольцова*, который запел «о всей их "превосходительной" лошадиной породе» (ВЕ, 230). В статье «О *сострадании* к животным» Р. описывает, как он с удовольствием наблюдал в *Петербурге* сцену, когда член «Общества покровительства животным» остановил извозчика, «нешадно колотившего лошадь»: «Такого члена я считаю как бы своим другом <...> Значит, сердце русское в зародыше доброе...» (ОЦС, 318). Описывая трогательный египетский рисунок, Р. вспоминает обычай петербургских «кондукторов-мужичков», которые во *время жары*, «жалая уставших лошадей, мочат обильно тряпки и кладут им на усталый череп»: «Я раз заметил на адмиралтейском конце конки: кондуктор положил лошадиную морду на плечо себе и, обняв ее шею, долго так держал. Это уже *ласка*, это одухотворение, это не (медицинская) помощь. Теперь, на поразившем меня египетском рисунке осликов ли, или лошадей, они все заложили морду за шею друг другу, т.е. все стоят в ласке, в одухотворении. Ничего подобного и никогда я не видал во всемирной *живописи*» (ОПП, 82). Народный обычай просить прощения перед началом паломничества не только у людей, но и у Л. — для Р. — «целая *культура*, изящная и благородная»: «Старуха собралась в Соловки: то, веришь ли, у всех прощенья попросила, лошади в ноги поклонилась» (ВНС, 193). Л. для Р. — глубоко национальный образ *истории*. Л., с трудом везущая телегу, — *символ* страдающей России: «Одна лошадь, да еще старая и неумная, везет телегу: а дюжина молодцов и молодых сидят в телеге и орут песни <...> Когда замедляется, кричат на лошадь: — Ну, вези, старуха. И старуха опять вытягивает шею, и напрягаются жилы в пахах» (У, 200). В национальном ключе Р. воспринимает образ Л. в *памятнике Александру III* работы *П. Трубецкого*. Образ коня выра-

жает в нем всю сущность «матушки Руси», русскую историю от раскольников до либеральной *интеллигенции*: «Конь уперся... Голова упрямая и глупая. Чуть что волосы не торчат ежом. Конь не понимает, куда его понукают. Да и не хочет никуда идти. Конь — ужасный либерал: головой ни взад, ни вперед, ни в бок. “Дайте реформу, без этого не шевельнусь”. — “Будет тебе реформа!”... Больно коню: мундштук страшно распылил рот, нижняя челюсть почти под прямым углом к линии головы <...> голова у коня упрямая и негениальная, “как мы все”, “как Русь”, как “наша интеллигенция”. — “Пустите к свету!” А хвоста нет, хвост отъеден у этой умницы. Между хвостом — или, лучше сказать, “недостатком хвоста” — и злой, оскаленной головой помещено громадное туловище с бочищами, с ножищами, с брюшищем, каких решительно ни у одной лошади нет <...> ну, какой “конь” Россия, — *свинья*, а не конь. “Чудище обло”, — обмолвился где-то Третьяковский <...> Зад, — главное, какой зад у коня! Вы замечали художественный вкус у русских <...> приделывать для чего-то кучерам чудовищные зады, кладя под кафтан целую подушку <...> “Задом (надо бы сказать грубее) живет человек, а не головой”, — так, должно быть, изъясняют мужики господскую тенденцию к задастым кучерам. Но, вообще говоря, мы “разуму не доверяем» (СХ, 324). В *чиновнике*, вступившемся за Л., которую стегал мужик, Р. видит «архаический остаток» египетского почитания животных (ВЕ, 227). Наблюдая в цирке за *женщинами*, кормившими Л., Р. видит в этой *любви* современного человека «атавизм древнего непосредственного чувства животных», приобщение к жизненной *силе*: «Общение, физическая близость, непременно “из рук” кормление, и чтобы *губы* лошади дотронулись до нежной ручки <...> проведение по морде, по шее» (ВЕ, 227–228). Сквозь призму египетского жертвоприношения животных, в котором Р. видит любовь и сострадание к ним, он описывает свою завороченность нежным пахом бегущей «извозничьей и рыжей» «лошаденки»: «Я весь замер от красоты “молочно-розового” <...> у нее вышла такая линия, сосущая душу, такой сгиб линии, “шар” (отсек шара) ее...» (ВЕ, 107). Р. поразила античная бронзовая фигура умирающей Л.: «Лошадь упала на правый бок и как-то глупо подняла левую ногу. Когда больно — не бываешь умен, и это художник подчеркнул. Но чего я не мог забыть и вспомнил ночью — это приподнятой и ослабленной, смеющейся головы лошади» (СХ, 71). Сравнивая этот образ со смеющейся Л. колдуна из «Страшной мести» *Н.В. Гоголя*, Р. считает, что эта статуя выражает страшную метафизику *смерти*: «Лошадь ослабила зубы не для борьбы и даже не с воем *боли*, а как бы со *смехом* перед своею смертью. Грешный человек, никогда я не думаю о смерти, и это за две тысячи лет сделанное изображение лошади впервые защемило мое сердце мыслью о смерти. “Как страшно умереть! Как боялась эта лошадь, почувствовав неизбежное, окончательное!” Смерть как конец, как “стоп-машина” — этого я нигде и даже в “Смерти Ивана Ильича” не почувствовал так, как здесь. И это *лицо* лошади, потому что в точности в минуту смерти “морда” стала лицом — какое оно родное мне, мое! О, “Диана Эфесская”: в минуту смерти и я стану, как эта лошадь, не более, не мудрее, не счастливее» (СХ, 71).

А.А. Медведев

ЛУНА. В отличие от множества определений *солнца* определений Л. у Р. встречается мало, и в основном они носят атрибутивный характер. «Но что такое луна? По астрономическим понятиям — камень такого-то размера, веса и пути. А по явлениям сомнамбулизма — она действует на *душу*, усыпляет и пробуждает, усыпляет здешнее и пробуждает какое-то “тамошнее”, дает, очевидно, какие-то видения, потому что *человек* идет, страшит, блуждает, ищет и вообще действует как бы актер в невидимой опере» (ВЕ, 296). В другом месте Р. лаконичен: «Луна — серебро. Это — Астарта» (АНВ, 222). С именем Астарты (Афродиты, Венеры), а также Артемиды (Дианы) Л. связывали древние народы. Об Астарте Р. писал, что «большинство греческих писателей признают ее богинею луны» (ВТРЛ, 256). «Самый же рассказ *Геродота* связываю с празднеством в Бубастисе “в честь Артемиды”, т.е. богини лунного (вечнодевственного) цикла восточных божеств, а не солнечного цикла совершенно других божеств — плодородия, рождающих <...> Особенно в мистериях представлялась она обоюдолою. Ее называли поэтому “Deus Venus”, как и сирийскую богиню луны “Deus Lunus” и “Dea Luna” <...> В Сидоне Астарта была Девственница, Virgo Caelestis, Санхониатон и ее называет “Звездой Венеры”, большинство греческих писателей признают ее “богинею Луны» (ВЕ, 97). «Известно, что Астарта азиатцев была в то же время Луна и что Артемида греков имела это же ночное светило своим осязаемым, умоляемым образом. От этого в древности, особенно на *Востоке*, она изображалась с лунным серпом над головою, обращенным двумя острыми краями кверху. Когда, путешествуя по *Италии*, я следил за особым, не имеющим никаких отражений у нас культом Мадонны, то я заметил, что и там всюду она изображается с серпом луны, но не на голове, а под ногами; однако под ногами не в знак уничтожения Луны, растаптывания ее, а как подножия и почти престола. Книжным основанием для этого взяты слова из XII-ой гл. “Апокалипсиса” о “жене рождающей”, “под ногами которой луна”. Но Мадонна не рождает; в одеяниях, с руками на *груди*, всегда у католиков чрезвычайно юная, она — девственница. Какая связь веков здесь, соотношение тысячелетий! Какое единство воображения, и — вечность неумирающей темы! Это Лунная Дева» (СХ, 207). Л. любима разными народами. «И персы, мидяне, *евреи*, греки с ума сходили, думая о своей Луне и видя юную Луну на Небе. Когда луна девочкой, и все небо девственно <...> До сих пор евреи, при рождении молодой луны, выходят во двор и подсказывают кверху» (СХР, 130). «Луна умывается в росе. И мусульмане, и евреи передают шепотом из поколения в поколение: серп месяца всегда должен быть омыт» (СХР, 131). В статье «“Ипполит” Эврипида на Александрийской сцене» (МИ. 1902. № 9/10) Р. поясняет характер лунных изображений у восточных народов: «У мусульман, как известно, до сих пор “луна” — на знаменах и флагах. Обычно это считается “модой” или “так себе”, но во всяком случае без определенного смысла, без *догмата* и тенденции под собою, без какой-либо “*веры* в луну”. Но если мы сблизим “Аллах” с Элоах, единственным числом от множественного Элогим (Бытие, I), и укажем на вечные и вечно неясные бессильные попытки пророков отделить Элоах от “ваали” (=владыки, господá), то пой-